

Конец двенадцатого лунного месяца выдался на редкость морозным. С приближением Нового года в школе наступили каникулы, и учеников распустили по домам, чтобы они могли встретить праздники в кругу семьи.

У Цзинь Линьэра давно не осталось родного очага, так что приютом на праздники ему послужила Обитель Скопленных облаков. Сунь Цинфэн поднялся на рассвете и жарко затопил печь; угли рдели докрасна, за пару мгновений разогнав стужу и наполнив комнату густым домашним теплом. Линьэр примостился у огня: вымешивал податливое тесто, выкладывал начинку — готовился лепить праздничные цзяоцзы.

Года его шли, но желания и чаяния оставались прежними — крошечными, почти детскими. Линьэр радовался праздничному утру просто так, от всего сердца. Ему хватало самой малости: увидеть аккуратно сложенную одежду, которую Сунь Цинфэн оставил у изголовья его постели, услышать весёлый треск дров в печи и ровный гул закипающей в котле воды. В такие минуты его душа была переполнена тихим довольством.

Вот только порой, когда в памяти всплывал прошлогодний праздник в Хуайине, на сердце набегала легкая грусть. Он вспоминал, как на рассвете шагал по темным улицам навстречу неведомому испытанию. Вокруг, в заснеженных переулках, горожане взрывали хлопушки. В морозной дымке чей-то отец бережно сжимал ладошку сына, помогая ему тлеющей палочкой поджечь фитиль... В такие мгновения в груди Линьэра шевелилась смутная, едва уловимая тоска.

С тихим скрипом отворилась тяжелая деревянная дверь, впустив в комнату струю колючего морозного воздуха. Сунь Цинфэн внес на коромысле две увесистые охапки сухих дров, ловким движением ноги захлопнул за собой дверь и сгрузил ношу на пол. Приняв из рук Цзинь Линьэра чашку горячего чая, он осушил ее одним махом.

— Ты что, умеешь лепить цзяоцзы? — усомнился он.

Цзинь Линьэр горделиво вскинул голову:

— Давеча заходил старший брат! Принес всяких вкусностей к празднику и заодно научил меня лепить.

Сунь Цинфэн слегка нахмурился, стряхивая крупички инея с ресниц.

— Я рубил дрова совсем неподалеку, но даже не слышал его шагов. Скажи на милость, он хоть не запутался в моих веревочных силках?

Линьэр погрел озябшие руки над углями, а затем потянулся обтереть лицо Сунь Цинфэна. Но пальцы его были измазаны в муке, так что он лишь оставил на щеках мужчины белые разводы. Едва сдерживая смех, юноша проговорил:

— Старший брат у меня внимательный, он сразу приметил твои ловушки. Еще спросил, от кого мы тут обороняемся. Ну я и сказал, что боюсь каверз от Чжу Хуаня.

— Не совсем еще отупел, — хмыкнул Сунь Цинфэн. Он ласково взъерошил волосы на макушке юноши, а затем ухватил его за щеку и шутливо потянул.

Линьэр жалобно заверещал, притворяясь, что ему нестерпимо больно.

Не желая больше дурачиться с этим упрямцем, Сунь Цинфэн подошел к чану с водой, чтобы умыться.

— Сколько раз повторять: не дергай тигра за усы.

— Но я ведь трогал твое лицо, а не тигриные усы! — буркнул Линьэр, потирая ноющую щеку и умудрившись при этом размазать муку уже по собственному носу.

Сунь Цинфэн лишь фыркнул, не найдясь с ответом.

Вернувшись к столу, Сунь Цинфэн отобрал у юноши тесто, ловко обмял его и принялся раскатывать сочни.

— Твой старший брат понятия не имеет, как правильно вымешивать тесто, — пренебрежительно заметил он.

Разглядывая Сунь Цинфэна, который сейчас ничем не отличался от обычного деревенского хозяина, Линьэр вдруг невпопад заметил:

— Наш рис так и остался неубранным.

— Какой еще рис? — поднял глаза Сунь Цинфэн.

— Ты целый год гнул спину на поле в Городке Облачных ив, а потом сбежал, так и не дождавшись жатвы. А ведь там была и моя доля!

— И что же ты, позволь спросить, там сделал?

— Ну... я посадил несколько побегов! И даже принес пару ведер воды!

— Из-за твоих трудов мне пришлось выдергивать те саженцы и пересаживать всё заново! А тебя вместе с ведрами тащить домой на закорках. Тоже мне, помощник нашелся!

И все же, воскресив в памяти те безмятежные дни, Сунь Цинфэн невольно улыбнулся. Он подцепил щепотку муки и щелчком отправил ее прямо в лоб Линьэру.

— Ладно уж. Если буду в хорошем настроении, когда-нибудь свожу тебя туда, поглядим, что стало с теми краями.

Линьэр так обрадовался, что не смог усидеть на месте. Он подскочил к Сунь Цинфэну, крепко обнял его за шею и ласково потерся макушкой о его плечо. Мужчина ворчливо отпихнул его, и юноша, ничуть не обидевшись, уселся на корточки перебирать принесенный хворост. Наткнувшись на несколько молодых, пушистых сосновых веточек, он вдруг загорелся новой идеей:

— Брат, а давай посадим сосну? Сосны всегда зеленые, они живут очень долго — прямо как ты. Если вдруг меня не станет... она будет скрашивать твое одиночество.

У Сунь Цинфэна предательски защемило в груди, а к глазам подступили горячие слезы. Он поспешно отвернулся.

— Глупости. Не нужно.

В горах царило глубокое, нерушимое безмолвие. Даже канун Нового года ничем не отличался от унылых будней. После ужина Линьэр то и дело украдкой бросал взгляды на Сунь Цинфэна. Тот в конце концов не выдержал:

— Чего уставился?

— Новый год ведь пришел, — тихо ответил Линьэр.

— Пришел, — безучастно отозвался Сунь Цинфэн, поднимаясь из-за стола, чтобы убрать посуду.

Юноша всем сердцем любил праздничную суету, шум и веселье. Заметив, что Сунь Цинфэн привычным жестом поправляет пояс, готовясь к ежевечерней тренировке, он сник. Линьэр тенью ходил следом за ним. Ему отчаянно хотелось попросить: «Брат, сегодня же праздник, побудь со мной, давай поиграем», но он вовремя прикусил язык. Сунь Цинфэн наверняка счел бы это ребячеством и рассердился бы.

Сунь Цинфэн обернулся и, натолкнувшись на его виноватый, полный надежды взгляд, проворчал:

— Ну и что ты опять натворил? Горшок расколол или тарелку разбил?

Линьэр обиженно вскинулся и с гордостью заявил:

— Вовсе нет! Брат, я за эти дни освоил целых три новых приема из Техники ладони Золотой тени!

— Что ж, неплохо, — сдержанно похвалил Сунь Цинфэн.

В глазах Линьэра зажглась лукавая искорка — кажется, он нашел выход. Выскочив из пещеры, он метнулся к бамбуковой роще, подобрал два сухих обрубка стеблей и принялся нарезать круги вокруг Обители Скопленных облаков, оглушительно колотя бамбуком о бамбук. Вскоре этот грохот окончательно вывел Сунь Цинфэна из себя. Мужчина распахнул дверь и вышел на порог.

Как раз в этот миг Линьэр поскользнулся на обледенелой тропинке и плашмя рухнул в сугроб, знатно приложившись лицом и наглотавшись снега.

Сунь Цинфэн ехидно ухмыльнулся:

— Ты же только что поужинал. Опять проголодался, раз снег жуешь?

Линьэр нехотя перевернулся на спину и, решив идти напролом, жалобно выдохнул:

— Брат... я просто хотел запустить с тобой хлопушки.

Сунь Цинфэн никогда не отличался чуткостью. Он видел странную беготню юноши, но не придал ей значения, списав всё на очередное чудачество. Теперь же, осознав истинную причину, он едва сдержал улыбку. Мужчина озадаченно потер подбородок.

«Неужто я и впрямь такой страшный, что он боится подойти с простой просьбой?»

Минует канун Нового года — и начнется очередной виток. Для прежнего Сунь Цинфэна это означало лишь одно: его бесконечные мучения затянутся еще на год. В бессмысленной, серой жизни не было места праздникам; в лучшем случае он съедал миску цзяоцзы ради приличия — вот и все торжество. Но сегодня в его ожесточившемся сердце впервые за долгие годы робко шевельнулась радость. Схватив Линьэра в охапку, он легко поднял его с земли, закинул себе на плечо и широким шагом вернулся в пещеру. Там он набросил на плечи юноши теплую накидку и, не теряя ни секунды, устремился вниз по склону — к сияющему огнями уездному городу Хуайинь.

Улицы Хуайиня бурлили людским морем. Сумерки едва успели опуститься на крыши домов, а вдоль дорог уже раскинулись нескончаемые ряды ярмарочных прилавков. Отовсюду доносился веселый грохот барабанов и звон медных гонгов — праздник бушевал всюду.

Линьэр крепко вцепился в руку своего спутника, увлекая его за собой сквозь толчею переулков. Сунь Цинфэн, терпеть не переносивший сутолоку, вскоре почувствовал, как от шума у него начинает раскалываться голова. Потеряв терпение, он притянул юношу к себе, собственническим жестом обнял за плечи и ладонями зажал ему рот.

— Перестань метаться как испуганная мышь, — пригрозил он, легонько ущипнув Линьэра за щеку.

В ответ тот шутливо прикусил его ладонь и забавно запищал.

Сунь Цинфэн отдернул руку, но тут же шутливо ухватил упряма за подбородок, ласково почесав его, словно дворового кота.

— Угомонись наконец!

Линьэр довольно замурлыкал и прильнул поближе к его плечу.

Вскоре с площади впереди докатился еще более неистовый грохот барабанов. Притихший было Линьэр мгновенно наострил уши и рванулся вперед, но, вспомнив, что все еще зажат в железных объятиях, замер на месте. Он посмотрел на Сунь Цинфэна умоляюще и тихонько пискнул:

— Писк?

Юноша не произнес ни слова, но его широко распахнутый, ясный взгляд был красноречивее любых речей.

— Даже не думай давить на жалость, — проворчал Сунь Цинфэн. Тем не менее, он легко подхватил Линьэра под мышки, усадил себе на плечи и, обреченно вздохнув, двинулся напролом через толпу, чтобы упрямец мог получше рассмотреть зрелище.

— Брат, мне вообще-то уже семнадцать исполнилось, — смущенно пробормотал Линьэр сверху.

— Да хоть семьдесят, мне-то что? — отрезал Сунь Цинфэн.

Поначалу Линьэру и впрямь было неловко. Он понимал, что уже вырос, и кататься на чужих плечах в его возрасте — зрелище довольно странное, способное вызвать косые взгляды прохожих и разозлить Сунь Цинфэна. Однако сам великан шагал столь уверенно и гордо, что всякое смущение мигом улетучилось.

Линьэр окончательно расслабился. Он потянулся рукой к лицу мужчины и осторожно смахнул с его густых бровей крупинки тающего снега.

— Тебе не тяжело?

— Было бы легче, если бы ты поменьше болтал, — отозвался Сунь Цинфэн.

Празднующая толпа заполонила всю улицу, так что яблоку негде было упасть. Сидя на плечах великана, Линьэр возвышался над людским морем и мог разглядеть все во всех деталях. Вытянув шею, он завороченно следил за тем, как в самом центре площади сошлись две трупы с драконьими фонарями. Огромные чудища — одно ослепительно-золотое, другое сверкающее серебром — тянулись на добрые десятки чжанов. Их тела лоснились пестрыми шелковыми лентами, а на головах и хребтах рассыпались снопами искр праздничные фейерверки, заливая тесные переулки чистым дневным светом.

— Брат, гляди скорее! Какая красота! — в восторге закричал Линьэр, заерзав от нетерпения.

— Не вертись! Свалишься — утешать не стану, — осадил его Сунь Цинфэн, покрепче обхватив ладонями стройные бедра юноши.

Ноги Линьэра теперь были длинными и сильными — совсем не такими, как в детстве. Ощущая под ладонями крепкие мышцы, Сунь Цинфэн невольно подумал:

«Этот маленький дьяволёнок ест за двоих, а растёт ещё быстрее».

Тут до него наконец дошло, почему Линьэр завел разговор о своих семнадцати годах. Оказывается, этот сорванец просто смущался.

«И чего тут стыдиться?»

На его взгляд, паренек все еще оставался несмышленным ребенком, которого не грех и на руках поносить. Вот лет через пять-десять, когда он окончательно возмужает и вытянется вровень с ним самим, катать его на плечах действительно станет глупо.

Мужчина покосился на восторженное лицо Линьэра и мысленно закатил глаза.

«Вырасти ростом с меня? Да ему и за двести лет такого не видать с его-то повадками».

Сунь Цинфэн мысленно фыркнул, сокрушаясь, что забивает голову всякой ерундой.

Размышляя об этом, он напрочь позабыл, как ровно год назад, во время праздника Лаба в Чанъани, таская Линьэра по ночному рынку, в сердцах процедил:

— Нужно быть полным идиотом, чтобы добровольно таскать тебя на руках изо дня в день!

Пути судьбы неисповедимы. Кто бы мог подумать, что всего за один год эта «болезнь» перейдет в неизлечимую стадию.

Когда праздничное шествие скрылось за поворотом, толпа понемногу поредела — горожане расходились по домам встречать полночь. Шум затих. Сунь Цинфэн и Линьэр тоже покинули город и устремились обратно к Хуашаню, чтобы успеть сварить цзяоцзы и встретить наступление Нового года в тепле.

Небо над горами было чистым, безлунным, усыпанным мириадами ярких звезд. Холодный ветер гнал поземку по крутым склонам. Вернувшись в Обитель Скопленных облаков, Сунь Цинфэн сразу принялся раздувать огонь, чтобы вскипятить воду для праздничного ужина.

Линьэр сгрузил на стол ворох накопленных хлопушек и фейерверков и вихрем вылетел наружу. Вооружившись широкой деревянной лопатой, он принялся яростно расчищать снег перед входом, подготавливая площадку для запуска.

Набегавшись, Линьэр распахнул дверь ногой, влетел в комнату, на ходу сгреб со стола несколько шутих и снова помчался во двор, крича на бегу:

— Брат, поторапливайся! Давай запускать фейерверки!

Сунь Цинфэн, разгоряченный у печи, воевал со слипающимся тестом. Ему было не до забав. Стукнув большим половником по краю чугунного котла, он крикнул вдогонку:

— Под ноги смотри, сорванец!

«Чтобы я, великий Глава культа, да не управился с какой-то жестянкой?»

Презрительно фыркнув, Линьэр отбросил в сторону мелкие петарды и с самым важным видом выставил на утоптаный снег пузатую коробку побольше.

Но едва он поднес к ней тлеющую палочку благовоний, как решимость его улетучилась. Он никогда раньше не запускал столь грозные шутихи и теперь панически боялся, что не успеет отбежать на безопасное расстояние. Несколько раз его рука испуганно дергалась, так и не коснувшись фитиля.

Линьэр заволновался и во весь голос закричал:

— Защитник Сунь! Быстро явись пред очи своего главы культа и подожги фитиль!

Внезапно чья-то рука мягко, но уверенно забрала у него тлеющую палочку. Невидимый спаситель ухватил его за воротник, оттащил на пару шагов назад и легким движением поднес огонек к фитилю.

С шипением и свистом золотые искры взвились к самому небу, распустившись в вышине ослепительным огненным цветком. Порыв ветра подхватил искрящиеся лепестки, рассыпав их над ущельем сверкающим дождем.

— Невероятно! Брат, гляди...

Линьэр заворуженно смотрел вверх, но, обернувшись, застыл от изумления. Рядом с ним стоял вовсе не Сунь Цинфэн.

Разглядев лицо гостя в неверном свете угасающих искр, юноша сначала испугался, а затем его озарила бурная радость:

— Наставник?!

Последние огненные сполохи осветили лицо Линьэра — чистое, благородное, с большими сияющими глазами. Это был его собственный, истинный облик, не скрытый чужой личиной.

Прежде чем юноша успел смущенно заговорить, Сюэ Чжэнъян негромко произнес:

— Ты поразительно похож на свою мать.

От этих простых слов у Линьэра мгновенно закипели слезы в глазах. Сглотнув подступивший к горлу ком, он лишь тихо вымолвил:

— Вы... вы все-таки пришли.

Сюэ Чжэнъян тепло усмехнулся:

— Ну и сколько у тебя еще осталось этих игрушек? Не жадничай, поделись с учителем, дай тоже позабавиться.

Линьэр поспешно смахнул слезы рукавом и вихрем ворвался в пещеру. Там он наспех перехватил пару крепких словечек от ворчащего Сунь Цинфэна, крикнул ему, чтобы бросал в котел еще одну порцию цзяоцзы ради дорогого гостя, сгреб в охапку все оставшиеся коробки и вынес их на улицу. Сгрузив богатство прямо на снег перед наставником, он с гордостью заявил:

— Вот, забирайте все!

Сюэ Чжэнъян с улыбкой оглядел кучу разнокалиберных петард:

— Какая щедрость.

— Мой брат самый щедрый на свете! Он заботится обо мне лучше всех! И сейчас он варит для вас цзяоцзы. Учитель, останьтесь с нами встретить полночь!

Сюэ Чжэнъян согласно кивнул:

— Раз уж сам Великий генерал Небесной стратегии взялся за стряпню, такое пропустить нельзя. Простым смертным подобная честь и не снилась. Обязательно попробую его угощение.

Линьэр удивленно захлопал глазами:

— Великий генерал Небесной стратегии?

— Чего рот разинул? Закрой уши лучше, — усмехнулся Сюэ Чжэнъян.

Он поднес огонь еще к двум коробкам. Сквозь разноцветные искры и дым его взгляд скользнул к освещенному окну Обители.

Там, склонившись над разделочной доской, Сунь Цинфэн усердно лепил цзяоцзы.

Его движения были отточенными: кончиками палочек он подхватывал плотный комочек мясной начинки, выкладывал на круглый сочень, смачивал края водой и ловко скреплял их вместе. Вот только силища в его руках была непомерной, отчего нежное тесто то и дело рвалось под тяжелыми пальцами, пачкая руки начинкой.

Сюэ Чжэнъян перевел взгляд на огонь и неторопливо заговорил:

— Род Сунь из Города Мона веками охранял наши рубежи. Двести лет назад они до последнего воина сдерживали натиск нечисти из Гуйфана у стен города, не дав полчищам демонов хлынуть на земли государства Юн. В знак признания заслуг император Гао-цзу лично даровал Сунь Цинфэну титул Великого генерала Небесной стратегии. О тех страшных событиях не осталось записей в официальных хрониках — все подробности уцелели лишь на страницах личного дневника одного из старейших мастеров нашей школы Хуашань.

— Значит, вы обо всем знали... — прошептал Линьэр. — Но почему тогда запрещали маме быть с отцом?

— Если бы я действительно хотел преградить ей путь, разве смогла бы она покинуть Хуашань?

— вздохнул Сюэ Чжэнъян. — Я удерживал ее лишь потому, что боялся ее раскаяния. Но и не неволил, страхась оставить в ее сердце вечную тоску о несбывшемся. Разве не лучше раскаяться в содеянном, чем всю жизнь жалеть об упущенном? Твоя мать... она всегда отличалась упрямым нравом.

Линьэр и раньше догадывался об этом, но услышать горькую правду из уст самого Сюэ Чжэнъяна было совсем иным испытанием. В его душе поднялась буря чувств, однако он лишь кротко кивнул:

— Не вините маму. Если и нужно кого-то корить, то только меня. Она пошла на всё это ради того, чтобы подарить мне жизнь.

Сюэ Чжэнъян покачал головой, не зная, смеяться ему или плакать:

— Твоя матушка была глупышкой, каких свет не видывал. Не вздумай брать с нее пример.

Внутри пещеры Сунь Цинфэн усердно делал вид, что поглощен работой, однако то и дело украдкой поглядывал наружу. В его движениях сквозила редкая для него неловкость — словно он чувствовал себя виноватым перед Сюэ Чжэнъяном или робел под его невидимым суровым взглядом.

В конце концов великан не выдержал: со стуком привалил тяжелую разделочную доску к оконной раме, загордившись от любопытных глаз.

На расчищенной площадке Линьэр, отбежав подальше, изо всех сил вытягивал руку, пытаясь дотянуться тлеющим благовонием до очередного фитиля.

Сюэ Чжэнъян снисходительно усмехнулся:

— Чего ты робеешь?

— Так ведь рванет же! — с самым серьезным видом воскликнул юноша.

Старик подошел ближе, перехватил его руку и уверенно направил огонек к пороховому шнуру.

— Чем опаснее положение, тем хладнокровнее ты должен быть, — наставительно произнес он. — Смотри врагу прямо в лицо, изучай его повадки. Только познав себя и противника, ты выйдешь победителем из любой битвы. Твой старший брат командовал армиями, неужто он не учил тебя этому?

Шутиха с треском взорвалась, заметавшись по снегу, словно выброшенная на берег золотая рыбка.

— Учил, конечно, да и я честно пытался понять, — вздохнул Линьэр, пользуясь редкой возможностью излить душу наставнику. — Но голова у меня дырявая, ничего не держится. Да и сказать легко, а сделать трудно. Мне кажется, если я буду слишком пристально вглядываться в опасность, то лишь сильнее перепугаюсь и наделаю глупостей. Уж лучше зажмуриться и положиться на судьбу — так на душе спокойнее.

Огонь угас, шутиха догорела, оставив после себя лишь горьковатый запах пороховой гари.

Сюэ Чжэнъян без труда уловил скрытый страх в словах внука. Он мягко, но веско произнес:

— Жизнь человеческая коротка, полвека пролетают как один миг. Пред лицом вечного неба мы — лишь песчинки. К чему заживо хоронить себя в сомнениях и страхах, топчась на одном месте? Оглянешься на закате дней — а позади лишь пустота да впустую растраченные годы. Разве это не самая горькая из трагедий?

Линьэр молча кивнул и принялся устанавливать на снегу следующий фейерверк.

— Коли задумал что-то — делай без оглядки, — продолжал Сюэ Чжэнъян. — Вот взять меня: захотел постичь Дао — собрал пожитки и ушел на Хуашань. Захотел уйти в затвор — и пусть хоть сам император приказывает войскам штурмовать гору Цинмин, мне до его указов дела нет. Мечтаешь овладеть боевыми искусствами — трудись не покладая рук. Коль не выйдет — значит, обделила природа талантом, тут уж ничего не попишешь. А если свернешь на кривую дорожку — то лишь от скверного нрава. Глупость врожденную не излечить, но порочное сердце всегда можно исправить.

Этот упрямый, деятельный характер явно передавался в их роду из поколения в поколение.

Линьэр уверенно поднес тлеющую палочку к фитилю.

Едва искра коснулась пороха, как сноп огня с воем устремился ввысь, рассыпавшись в черном небе ослепительным багровым солнцем.

Глаза Линьэра восторженно заблестели. Зажав уши ладонями, он залиvistо рассмеялся:

— Благодарю за науку, учитель!

Сюэ Чжэнъян, должно быть, слишком долго пробыл в затворе в полном одиночестве. Оказавшись среди людей, он никак не мог наговориться и расспрашивал Линьэра обо всем подряд.

Грозный Глава великой школы Хуашань сейчас походил на самого обычного, любящего поболтать старика.

А грозный Глава Дьявольского культа перед ним казался кротким, послушным внуком.

Сюэ Чжэнъян поинтересовался, какие священные трактаты Линьэр успел прочесть и сколько приемов владения мечом освоил. О стычке с Чжу Хуанем юноша благоразумно умолчал, но наставник, как выяснилось, обо всем знал сам.

— Если этот паршивец Чжу Хуань снова полезет к тебе, не вздумай миндальничать, — строго наказал он. — Если кто-то посмеет тебя обидеть — бей в ответ без жалости, не заботясь о том, выживет подлец или нет! За твоей спиной стою я, уяснил? Ни у кого из них нет такого заступника.

Линьэр глуповато улыбнулся и послушно кивнул. В этот миг он чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Затем разговор зашел о Чжоу Синъюне.

Сюэ Чжэнъян сокрушенно покачал головой:

— Твой старший брат Чжоу одарен невероятно, да вот умом обделен. Вечно лезет защищать слабых и обездоленных. Сам будет без гроша в кармане ходить, а последний медный грош нищему отдаст. Проведав о твоей тайне, он прибежал ко мне просить за тебя... Боюсь, с такой праведностью он рано или поздно наживет себе крупных неприятностей.

Линьэр невольно улыбнулся:

— Старший брат необычайно добр. Я обязательно присмотрю за ним.

— Время пришло! Наигрались — марш за стол, цзяоцзы готовы! — зычно крикнул Сунь Цинфэн, отодвинув в сторону разделочную доску и высунувшись из окна.

Он умышленно не назвал Линьэра по имени, тем самым как бы приравнивая себя к старшему в доме и соперничая с Сюэ Чжэнъяном. Пусть великан и робел перед наставником, но уступить первенство не собирался.

Они уселись втроем вокруг небольшого деревянного стола, заставленного тарелками с дымящимися, только что сваренными цзяоцзы.

Осушив свою миску, Сюэ Чжэнъян поднялся, собираясь уходить.

У самого порога он замер, словно вспомнив о чем-то важном, и выудил из-за пазухи потрепанный красный бумажный конверт. Протянув его Линьэру, он мягко произнес:

— Мое затворничество подходит к решающему рубежу. Ближайшие несколько месяцев, а может и полгода, я не смогу подавать вестей. Кормят в монастыре скудно, так что бери эти деньги, почаще спускайся с горы и покупай себе что-нибудь вкусное.

Затем он повернулся к Сунь Цинфэну и отвесил ему глубокий, уважительный поклон:

— Прошу вас, позаботьтесь о нем, старший.

Сунь Цинфэн торопливо поднялся, собираясь ответить вежливым поклоном.

Но Сюэ Чжэнъян лишь замахал руками, не дав ему согнуться, и с усмешкой добавил:

— А вот готовить вы совершенно не умеете. Будет время — поучитесь на досуге.

Сунь Цинфэн смерил Сюэ Чжэнъяна свирепым взглядом, затем покосился на притихшего Линьэра и, вопреки своему обыкновению, сдержался. Сделав вид, что ничего не услышал, он молча принялся заталкивать в рот очередной цзяоцзы.

— Премного благодарен, учитель! — Линьэр с улыбкой потянулся к заветному красному конверту.

Сюэ Чжэнъян шутливо поднял руку повыше, не давая забрать подношение:

— И кого же ты благодаришь?

Юноша просиял и ласково ответил:

— Спасибо, дедушка!

— Живи в мире и радости, мой хороший, — ласково промолвил Сюэ Чжэнъян.

Он вложил конверт Линьэру за пазуху, нежно взъерошил его волосы на макушке и, развернувшись, шагнул за порог, растворившись в ночной снежной мгле.